

Е. И. Юркевич (Санкт-Петербург)

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ И РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ сложился весьма критический взгляд на военную систему, выработанную прусским королём Фридрихом II Великим (1712—1786) (ил. 1). Но если в дореволюционный период помимо критики учитывались и положительные моменты в области развития военного искусства, внесенные королём (работы Ф. А. Кони¹, Н. С. Голицына², Н. Н. Сухотина³, М. И. Маркова⁴, П. А. Плеве⁵, Н. Ф. Дубровина⁶, П. А. Гейсмана⁷, Н. П. Михневича⁸, А. К. Баиова⁹), то в советский период оценки фридриховской военной системы носят почти исключительно отрицательный характер. Так, отрицательно характеризовал «немецких инструкторов», прусские строевые приемы и неудобное обмундирование полковник Н. А. Боголюбов¹⁰. Как государственного деятеля, подчинившего свою политику лишь созданию мощной армии и насильственному захвату чужих земель, беспощадно муштровавшего солдат, характеризует короля Д. Фибих¹¹. Правда, по мнению профессора Н. М. Коробкова Фридрих — «несомненно крупный, талантливый полководец»¹², но это скорее исключение в хоре негативных оценок. Весьма критически описывает армию Фридриха и профессор полковник А. А. Строков¹³. Лишь в 1980-е гг. советские исследователи попытаются дать более-менее объективную оценку полководческому искусству прусского короля, показав его сильные и слабые стороны, но в общем и их оценка носила скорее критический характер¹⁴.

«Советская военная энциклопедия» характеризует короля как милитариста и агрессора. Упоминая о том, что он внёс «определённый вклад в развитие военного искусства эпохи позднего

феодализма», энциклопедическая статья упоминает также о разработанном Фридрихом косом боевом порядке, увлечении залповым огнём пехоты, о большом значении, придаваемом королем коннице, о создании конной артиллерии. Но общие выводы весьма неприглядные: «Однако военное искусство Фридриха отличалось шаблонностью. Обучение и воспитание прусских войск сводились к муштре. В армии царя жестокая палочная дисциплина... Германские милитаристы избрали Фридриха II своим

Ил. 1. Фридрих Великий (1712—1786).
Художник К. В. Вышпольская. 2012.
Собрание Е. И. Юркевича

кумиром, возведя его в ранг “великого”, “гениального” полководца»¹⁵. Оценка короля, данная на страницах «Военной энциклопедии», вышедшей в начале XXI в., почти не отличается от вышеизложенной. Такой же, но в более сжатой форме, она осталась в «Военном энциклопедическом словаре», изданном в 1984 г.¹⁶ И лишь в последние десятилетия официальная российская военная печать показывает более лояльное отношение к королю. Как внёсшего большой вклад в развитие военного искусства, введшего в тактику косой боевой порядок, сторонника залпового ружейного огня и массированного применения конницы, но в обучении и воспитании войск насаждавшего муштру, характеризует Фридриха «Военный энциклопедический словарь» издания 2007 г.¹⁷

Необходимо отметить, что в последнее время интерес к личности и полководческой деятельности Фридриха II возрос и появился ряд весьма интересных исследований, с максимальной объективностью описывающих полководческую деятельность короля (например, работы Ю. Ю. Ненахова¹⁸ и П. А. Дружинина¹⁹).

Но в целом можно констатировать, что о военной системе Фридриха II и о её влиянии на русское военное искусство

в России сейчас известно крайне мало, ведь указанные выше работы дореволюционных авторов, как, впрочем, и авторов современных, в большинстве своём — библиографическая редкость. Поэтому представляется не лишним изложить основные положения прусской военной системы 2-й половины XVIII в., ярчайшим представителем которой являлся Фридрих Великий.

Для начала скажем несколько слов о линейной тактике.

«Объективной основой перехода к линейной тактике как новой системе ведения боя явилась эволюция оружия, и прежде всего огнестрельного оружия пехоты», — отмечали авторы монографии «Во славу Отечества Российского»²⁰. Выдающуюся роль в развитии линейной тактики сыграло принятие на вооружение армий кремнёвых ружей. «Применение кремнёвого ружья требовало гораздо меньше пространства, чем старое фитильное ружьё, а потому прежний разомкнутый боевой строй был оставлен и ряды тесно сомкнуты, для того чтобы иметь как можно больше стрелков на данном участке. По той же причине интервалы в боевой линии между различными батальонами были максимально уменьшены, так что весь фронт образовывал одну негибкую непрерывную линию с двумя линиями пехоты в центре и с кавалерией на флангах. Стрельба, производившаяся ранее шеренгами... теперь велась взводами или ротами... Таким образом, каждый батальон мог поддерживать непрерывный огонь по находящемуся перед ним неприятелю», — описывал сущность линейной тактики Ф. Энгельс²¹. Огромное влияние на развитие неглубоких сомкнутых строев оказали тактико-технические характеристики кремнёвых ружей. Наибольшее число попаданий достигалось на дальности в 100 шагов, с увеличением дистанции количество попаданий всё более снижалось. Сферические пули, выпущенные из гладкостенного ствола, давали большое отклонение от линии выстрела. Уже в эпоху Наполеоновских войн среднее отклонение пули от директрисы стрельбы на дальности около 400 м равнялось около 65 см, а для ружья середины XVIII столетия этот показатель был даже большим. Поэтому наибольший эффект при стрельбе из подобного оружия получался при стрельбе в сомкнутые густые линии на дистанции в 100—150 шагов. В этом случае существовала максимальная вероятность того, что твоя пуля попадёт в какого-нибудь солдата противника²². «При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта

в возможно скоро производимом, залп за залпом, массовом огне по команде. Если Фридрих ещё и указывал, чтобы не слишком торопились с огнём..., то впоследствии было даже прямо запрещено целиться. Зато особенное значение придавали тому, чтобы залп выпаливался дружно и звучал как один выстрел», — писал Г. Дельбрюк²³.

Залповая стрельба, производимая взводами (плутонгами) на месте или в движении, требовала постоянного строевого обучения солдат для доведения выполнения синхронных приемов заряжания и стрельбы до автоматизма²⁴.

Вот она, знаменитая фридриховская муштра! На деле — совершенно необходимое пехоте в условиях линейной тактики и кремнёвых ружей строевое обучение. Без постоянных тренировок научить солдата быстро заряжать ружье и стрелять одновременно с соседями по шеренге было нельзя. Кроме того, именно при линейном построении солдаты, а в Европе это были тогда, в основном, наёмники, всегда готовые дезертировать, могли максимально контролироваться в бою офицерами и унтер-офицерами²⁵.

Фридрих сумел довести свою пехоту до высшей степени совершенства. Сыграла свою роль не только жестокая муштра, но и технические новшества — введение железных шомполов, увеличивавших темп стрельбы, и конических затравок в стволах ружей, благодаря которым порох сам высыпался на полку. Пехотинцы Фридриха могли сделать до шести залпов в минуту, в то время как пехота других европейских армий — не более четырёх²⁶ (ил. 2).

Но Фридрих, придававший огромное значение залповому огню пехоты, был сторонником решительных атак на противника. Он ввёл в линейную тактику «косую атаку» или «косвенный боевой порядок» — линии его пехоты подходили к противнику под небольшим углом и атаковали фланг побатальонно уступами, довершая дело штыковой атакой. В результате линейные построения противника, охваченные с фланга, ломались, пехота врага бежала, чем достигалась победа²⁷ (ил. 3). Впрочем, не Фридрих был изобретателем метода «косой атаки»²⁸. Первенцем в применении этого тактического метода был фиванский полководец Эпаминонд, применивший его в сражении против спартанцев в сражении при Левктрах в 371 г. до н. э.²⁹ Как справедливо отмечал Н. М. Коробков, «... только он [Фридрих. — Е. Ю.] был

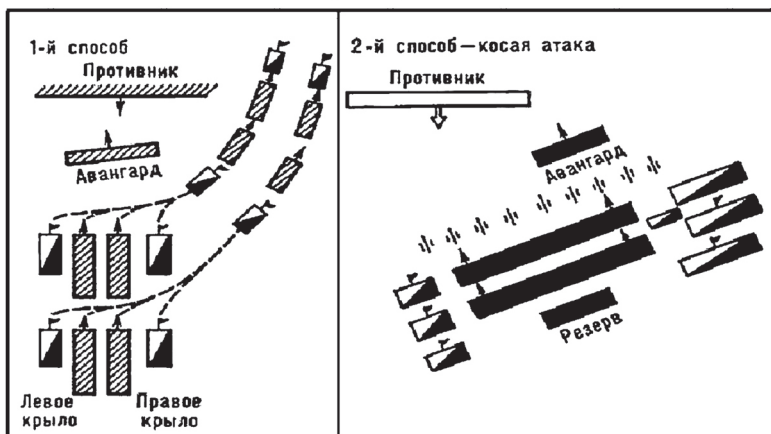

Ил. 2. Прусская пехота в бою

в своё время создателем и практиком “косой атаки”, практиковавшейся когда-то эллинами, но затем забытой. Применением этого метода он возводил линейную тактику на высшую ступень её возможностей и этим далеко превосходил современных ему генералов»³⁰.

Однако особой любовью короля пользовалась кавалерия. От своего отца он получил всего лишь 13 000 кавалеристов (144 эскадрона, 12 кирасирских, 6 драгунских и 2 гусарских полка), и конница находилась в состоянии упадка. Но после сражения под Мольвицем 10 апреля 1741 г. — первого сражения, данного Фридрихом как полководцем, — в котором его кавалерия легко была опрокинута австрийцами, что едва не привело к разгрому пруссаков, молодой король принялся за её серьёзные преобразования³¹. «Весьма скоро прусская конница сделалась лучшею во всей Европе и своими решительными действиями в боях приобрела такое значение, что из 22 сражений, данных Фридрихом, 15 было выиграно, благодаря ей», — отмечал П. А. Плевел³². Если в других родах войск прусской армии было множество наёмников, то в кавалерии служили только подданные прусского короля. Фридрих увеличил число кирасир до 9000, драгуны и гусары насчитывали по 10 000 человек. Особенным благоволением

Построение боевых порядков войск Фридриха II

Ил. 3. Боевые порядки прусской армии времен Фридриха Великого

«Старого Фрица» пользовались гусары как наиболее лёгкий и подвижный род конницы³³. Огнестрельное оружие назначалось преимущественно для действия в пешем строю. Прежде часто практиковавшаяся стрельба с коней перед атакою была строго воспрещена. Она допускалась только в одиночном бою и при преследовании бегущего противника... Фридрих считал идеалом конницу лёгкую, подвижную, способную к действиям и в пешем, и в конном строю.

В основание подготовки конницы к бою Фридрих положил одиночное обучение солдат и приучение конницы к маневрированию большими массами.

«Фридрих требовал, чтобы конница была способна исполнять все эволюции галопом с сохранением полного порядка», — писал П. А. Плеве³⁴. А основной принцип действия своей кавалерии Фридрих уложил в одну фразу: «Пруссаки должны всегда первыми атаковать»³⁵ (ил. 4).

Фридрих также придавал особое значение боевой подготовке артиллеристов, запрещал артиллерии в бою отступать с позиций даже под угрозой потери орудий. Наиболее значимым нововведением в этом роде войск стало создание, по примеру России, конной артиллерии для поддержки кавалерийских полков. В целом

Ил. 4. Прусские драгуны в бою

же артиллерией король занимался мало. То же касается и инженерных войск³⁶.

Опираясь на свою прекрасно вышколенную армию, в основе боевой подготовки которой лежала жесточайшая муштра, Фридрих, одержав блестящие победы в двух десятках сражений, вышел победителем из четырёх войн: 1-й и 2-й Силезских (1740—1748), Семилетней (3-й Силезской) (1756—1763) и Войны за Баварское наследство («Картофельной войны») (1778—1779)³⁷. Престиж Пруссии и ее короля был чрезвычайно высок. Как писал Н. Ф. Дубровин, «... победы Фридриха обратили на себя внимание всей Европы и вызвали подражание прусской организации. Последняя казалась для большинства совершенною: прусская армия была строже других дисциплинирована и лучше вооружена, чем остальные армии Европы; строевое ее образование доведено до тонкости даже излишней...

Большая часть европейских полководцев того времени видели успехи в прусской организации, в прусской муштровке солдата и в жестокой дисциплине... Потсдамские манёвры были долгое время и для многих школою, куда стекались поучиться все европейские знаменитости»³⁸.

Русская армия в годы Семилетней войны нанесла Фридриху ряд серьёзных поражений и показала, что по своим морально-боевым качествам стоит намного выше прусской³⁹. Но, несомненно, прусская военная система и полководческое искусство Фридриха Великого оказали огромное влияние на всех наиболее выдающихся русских полководцев 2-й половины XVIII в.

«К сожалению, в нашей литературе несколько односторонне рассматривался вопрос о прусской военной системе, а отношение к ней А. В. Суворова или других представителей русской военной школы в период, предшествовавший преобразованиям Павла I, не затрагивался, — справедливо отмечает Н. Г. Рогулин. — Как правило, даже анализ опыта Семилетней войны сводится к критике ограниченности линейного боевого порядка и кордонной стратегии, а также упоминанию о господствовавшей в наёмных армиях муштре и палочной дисциплине...

Уместно в данном случае вспомнить, что авторитет Фридриха II в военных вопросах не подвергался сомнению многими представителями русской военной школы. Например, о ярчайшем из них... П. А. Румянцеве — современники отзывались как о горячем поклоннике прусского короля и прусской армии.

Опыт прусской армии внимательно изучал Н. В. Репнин, бывший одно время послом при дворе Фридриха, и П. И. Панин, славившийся на него при рассмотрении вопроса об учреждении в России егерей по образцу прусских егерских команд. Если прибавить сюда И. П. Салтыкова и М. Ф. Каменского, то станет ясно, что Н. Дубровин имел достаточно оснований написать о «благоговении выдающихся боевых деятелей России перед военным талантом Фридриха.

А. В. Суворов также считал необходимым изучать опыт Фридриха II... Некоторые мысли, высказанные Фридрихом в его наставлении прусскому генералитету, оказались созвучными взглядам Суворова и встречаются в его позднейших наставлениях»⁴⁰.

В связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о профридриховских и пропрусских симпатиях русских императоров Петра III и Павла I, вызывавших и у современников, и у исследователей неоднозначные оценки⁴¹.

На наш взгляд, ответы на многие вопросы, касающиеся императора Петра Фёдоровича и его взаимоотношений с Пруссией и её королём, даёт статья В. А. Малышева⁴². Пётр Фёдорович

восхищался победами и военными талантами Фридриха Великого так же, как и многие другие его современники, к тому же он видел всю ненужность для России участия в Семилетней войне и в итоге вывел из неё Россию. Но «пропрусские» военные реформы Петра III не успели проявиться из-за краткости его царствования. А вот увлечение Фридрихом императора Павла Петровича оставило заметный след в истории русской армии.

Именно благодаря братьям Паниным и М. Ф. Каменскому, по мнению большинства исследователей, возникло увлечение юного Павла Пруссией, Фридрихом Великим и прусской армией⁴³. Один из важнейших факторов, повлиявших на столь трепетное отношение цесаревича к Пруссии, Д. Ф. Кобеко видит в визите в Петербург в 1770 г. брата Фридриха Великого, принца Генриха: «Он успел сблизиться с Павлом Петровичем, и с этого времени утвердилась в молодом великом князе любовь к Пруссии, которой, подобно своему родителю, он не изменял никогда»⁴⁴.

«Павел Петрович, и не один Павел Петрович, а вся Европа того времени преклонялись перед прусскими войсками, прославленными победами; даже наиболее авторитетные писатели того времени причину побед Фридриха видели в прусском способе образования солдат, считая его единственным и безукоризненным», — писал Б. Р. Хрещатицкий⁴⁵. Аналогичные высказывания находим и у А. Туган-Мирзы-Барановского: «Сравнивая победы над турками и поляками и вялые действия могучей России в трёхлетней борьбе против шведов с изумительною борьбою Фридриха Великого с половиною Европы — Наследник приходил к заключению, что привив прусскую систему, с нею привьёт и энергию и деятельность Прусского Короля»⁴⁶.

«Павел был не прусофилом, он был поклонником порядка и, что касается армии, сторонником строгой дисциплины, — пишет А. В. Гаврюшкин. — В тогдашней Пруссии, по мнению всей Европы, государственные учреждения и армия содержались в образцовом порядке. Им подражали везде, поэтому трудно осуждать Павла за то, что он, подобно другим монархам, стремился перенять у Фридриха II полезные нововведения. Другое дело, что полезное, с точки зрения Павла, не всегда оказывалось таковым в действительности»⁴⁷.

Весьма эмоционально, но, пожалуй, верно высказался на этот счет и Ю. Ю. Ненахов: «Русские в лице Пруссии имели не худший, а возможно, и лучший пример для подражания. Однако

в том-то и дело, что мы не смогли по-настоящему учиться у них и по-настоящему заимствовать их примеры, ограничиваясь принятием внешних форм в таком извращённом виде, что тот же Фридрих Великий пришел бы в ужас, увидев, как после его смерти в России трактовали его наследие... В своем понимании образа мыслей и наследия Фридриха II Павел стал совершать шаги, которых “Старый Фриц” не сделал бы никогда»⁴⁸.

Кстати, нужно отметить, что во многих вопросах, касающихся армии (да и не только её) Павел во многом походил даже не на Фридриха Великого, а на его отца — знаменитого «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I. Для короля были характерны бережливость, забота о быте солдат, чрезвычайно щепетильное отношение к военному мундиру, понятию офицерской чести, чёткая регламентация служебных обязанностей, особая любовь к парадом и строевой выправке, очень тесные и дружеские отношения со своими любимыми гвардейскими частями⁴⁹. Эти качества неоднократно проявлялись и у императора Павла. И их едва ли можно назвать отрицательными.

Да, Павел многое в своих военных реформах заимствовал от пруссаков. Впрочем, не только от них. В этих заимствованиях было много положительных моментов. В частности, Павел произвёл большие преобразования в русской кавалерии, во многом опираясь на опыт Фридриха Великого⁵⁰. Весьма прогрессивны были кавалерийские уставы эпохи Павла. В том числе именно при нём свой первый устав получили гусары⁵¹. Но особенно выдающимися, наиболее долговечными и благотворными были реформы Павла в артиллерии⁵². Впрочем, павловские военные реформы нуждаются в отдельном серьёзном исследовании.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что такой выдающийся полководец, как Фридрих Великий, и его военная система оказали серьёзное влияние на развитие русского военного искусства 2-й половины XVIII в. Выдающиеся русские полководцы того времени — П. А. Румянцев, П. И. Панин, М. Ф. Каменский, А. В. Суворов — считали себя учениками прусского короля в военном деле, вышли, перефразируя известное выражение, «из фридриховской шинели». Особенно благотворно «прусские» традиции сказались на развитии русской кавалерии. А «муштра» — постоянные военные упражнения — в условиях линейной тактики были совершенно необходимы.

Несомненно одно: влияние прусской военной системы на отечественное военное искусство нельзя замалчивать и сбрасывать со счетов, и, главное, этот вопрос нужно глубоко и всесторонне исследовать, ибо русская военная история XVIII столетия, в том числе и история Семилетней войны, хранят в себе немало поучительных и интересных примеров, которые могут быть актуальны и при строительстве современных Вооружённых сил России.

¹ Кони Ф. А. История Фридриха Великого. М., 1997. С. 5—507.

² Голицын Н. С. Всеобщая военная история: Новое время. Часть третья: Войны 2-й половины XVIII века в Западной Европе (1740—1791 гг.): Войны Фридриха Великого. М., 2019. С. 49—358.

³ Сухотин Н. Н. Фридрих Великий: Лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской Академии Генерального Штаба. Вып. I. СПб., 1882. С. 3—263.

⁴ Марков М. И. История конницы: Кн. 3: От Фридриха Великого до Александра Суворова. М., 2009. С. 5—190.

⁵ Плеве П. А. Очерки из истории конницы. СПб., 1889. С. 74—100.

⁶ Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. С. 30—34.

⁷ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века: История военного искусства в Новые века в эпоху Фридриха Великого и Екатерины Великой: Военное искусство в Западной Европе. СПб., 1896. С. 1—309.

⁸ Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896. С. 308—364.

⁹ Баиов А. А. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 431—468.

¹⁰ Боголюбов Н. А. Полководческое искусство Суворова. М., 1939. С. 13.

¹¹ Фибиx Д. Семилетняя война: 1756—1763. М., 1940. С. 6, 11.

¹² Коробков Н. М. Семилетняя война: Действия России в 1756—1762 гг. М., 1940. С. 47.

¹³ Строков А. А. 1) Общий курс истории военного искусства. М., 1951. Т. I. С. 516—520; 2) История военного искусства. М., 1994. Т. 4. С. 67—69.

¹⁴ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского: Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в. М., 1984. С. 78—86.

¹⁵ Советская военная энциклопедия. Т. 8: «Ташкент» — Ячейка. М., 1980. С. 331.

¹⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 786.

¹⁷ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 769.

¹⁸ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2002.

¹⁹ Дружинин П. А. Книги Фридриха Великого, или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежавшим самому королю или его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.

- ²⁰ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 70.
- ²¹ Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., 2003. С. 90—91.
- ²² Жмодиков А. Л. «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху Наполеоновских войн. СПб.; М., 2016. С. 21—42; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 148.
- ²³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Том четвёртый: Новое время. СПб., 2001. С. 189.
- ²⁴ Рюстов В. История пехоты. СПб., 1876. Т. II. С. 195; Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 29; Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 71.
- ²⁵ Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 72.
- ²⁶ Рюстов В. История пехоты. Т. II. С. 196—197; Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 29.
- ²⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 193.
- ²⁸ Там же. С. 193.
- ²⁹ Михневич Н. П. История военного искусства. С. 21—22.
- ³⁰ Коробков Н. М. Семилетняя война. С. 47.
- ³¹ Марков М. И. История конницы. С. 11, 15—18.
- ³² Плеве П. А. Очерки из истории конницы. С. 75.
- ³³ Там же. С. 75—77.
- ³⁴ Там же. С. 75—78.
- ³⁵ Там же. С. 82.
- ³⁶ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 50—53.
- ³⁷ Кони Ф. А. История Фридриха Великого. С. 112—417, 450—460; Голицын Н. С. Всеобщая военная история: Новое время. С. 101—317.
- ³⁸ Дубровин Н. Ф. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. С. 31—33.
- ³⁹ Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в Средние и Новые века. С. 293—309; Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. С. 105—108.
- ⁴⁰ Рогулин Н. Г. Использование А. В. Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения» // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 85, 86.
- ⁴¹ См., напр.: Фибих Д. Семилетняя война. С. 27, 29—30; Мыльников А. С. «Он не похож был на государя...»: Пётр III: Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 150—152; Павленко Н. И. Пётр III. М., 2018. С. 91—109; Советская военная энциклопедия. Т. 6: Объекты — Радиоконпас. М., 1978. С. 184; Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 533; Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 6: Огарков — «Прогресс». М., 2002. С. 216; Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 517; Скоробогатов А. В. Павел Первый в российской исторической литературе. Казань, 1999. С. 12—141; и др.
- ⁴² См.: Малышев В. А. Отвергнутые успехи и утраченные надежды // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко: 1700—1762: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Выпуск первый. СПб., 2002. С. 78—90.

⁴³ См.: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 64—65; Барсков Я. Л. Проекты военных реформ Цесаревича Павла // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3—4. С. 105; Валишевский К. Ф. Сын Великой Екатерины: Император Павел I: Его жизнь, царствование и смерть: 1754—1801. М., 1993. С. 17, 19; Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 151.

⁴⁴ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович: 1754—1796: Историческое исследование. СПб., 2001. С. 49, 128—134.

⁴⁵ Хрещатицкий Б. Р. История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка: 1775—1813 — 1875—1913. СПб., 1913. Ч. I. С. 127.

⁴⁶ Туган-Мирза-Барановский А. История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872. С. 111.

⁴⁷ Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин... С. 151.

⁴⁸ Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2002. С. 743, 748.

⁴⁹ См.: Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 148—176.

⁵⁰ Марков М. И. История конницы. С. 304—312.

⁵¹ См.: Татарников К. В. Уставы и наставления русской армии XVIII века // Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: Сборник материалов / Сост. К. В. Татарников. М., 2010. Т. I. С. 18—19; Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». С. 338—348; Зверев С. Э. «Вселить в них дух воинственный»: Дискурсивно-педагогический анализ воинских уставов. СПб., 2017. С. 20—23.

⁵² См.: Юркевич Е. И. Павел I и русская артиллерия конца XVIII в. // Под Высочайшим покровительством: Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 306—317; Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». С. 349—352.